

ВОСПРИЯТИЕ ДОБЕРНОЛАКОВСКОГО ЯЗЫКА БЕРНОЛАКОВЦАМИ

Лифанов Константин Васильевич

доктор филологических наук, профессор, Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова
lifanov@hotmail.com

PERCEPTION OF THE PRE-BERNOLÁK LANGUAGE BY SUPPORTERS OF BERNOLÁK

K. Lifanov

Summary: This article compares the language of the Gavlovič's poetic work *The Shepherd's School*, written before codification of the Slovak literary language by A. Bernolák, with the edited and published text of this work by M. Rešetka. The analysis showed that, on the one hand, M. Rešetka seeks to eliminate genetic bohemisms from the text, and on the other hand, he does not follow the codification in everything. This confirms the thesis that the codification of A. Bernolák was only the basis for the formation of the norm of literary language, which was formed directly in the process of its functioning.

Keywords: Pre-Bernolák language, codification, editing, norm, West Slovak dialect, functioning.

Аннотация: В данной статье сопоставляется язык поэтического произведения «Пастушья школа» Г. Гавловича, написанного до кодификации словацкого литературного языка А. Бернолаком, с отредактированным и опубликованным текстом этого произведения бернолаковцем М. Решеткой. Анализ показал, что, с одной стороны, М. Решетка стремится устранить из текста генетические богемизмы, а с другой – не во всем следует за кодификацией. Это подтверждает тезис, что кодификация А. Бернолака была лишь основой нормы литературного языка, которая формировалась уже непосредственно в процессе его функционирования.

Ключевые слова: добернолаковский язык, кодификация, редактирование, норма, западнословацкий диалект, функционирование.

Введение

Словацкий литературный язык формировался в течение длительного времени. Предпосылки его возникновения появляются в XIV в., когда на территорию Словакии проникает чешский литературный язык, в который начинают проникать элементы словацких диалектов. Сначала они имели случайный характер и представляли собой ошибки писцов, однако в дальнейшем некоторые из них начинали повторяться. Как отмечал Н.И. Толстой, первоначально такие изменения представляют собой отклонение от нормы, однако в дальнейшем оно само превращается в норму [1, 19]. К середине XVIII в. этот процесс достиг высокой степени интенсивности, а его кульминацией стала кодификация А. Бернолака [2]. В этой связи возникает вопрос, как пользователи кодифицированного литературного языка относились к некодифицированной форме, так как это демонстрирует меру преемственности двух этих идиомов. Кроме того, оценка отдельных элементов в некодифицированной форме делает возможным установить, как пользователи литературным языком оценивали элементы самой кодификации. Выяснение этих аспектов обуславливает актуальность настоящей статьи, так как помогает более глубоко осознать механизм формирования словацкого литературного языка и его нормы.

Для решения этих задач наилучшим образом подхо-

дит сопоставление оригинала текста «Пастушьей школы – житницы нравов» (Walaska Sskola Mrawuw Stodola) наиболее видного представителя словацкой барочной литературы Г. Гавловича (1712-1787) с его отредактированным вариантом, осуществленным и изданным одним из наиболее активных деятелей бернолаковского движения М. Решеткой (1794-1854). Названное произведение было написано в 1755 г. в селе Пруске (Тренчинский комитат, Северо-Западная Словакия) на традиционном языке того времени и издано в 1830-31 гг. в Трнаве на литературном языке, кодифицированном А. Бернолаком [3].

Следует, однако, отметить, что М. Решетка вносил коррективы непосредственно в текст произведения, поэтому в настоящее время чрезвычайно сложно установить, что является оригиналом, а что исправлением. В связи с этим нам пришлось обращаться и к изданию «Пастушьей школы» 1988 г. [4], осуществленного в США, текст которого реконструировался путем сравнения с рукописью другого произведения Г. Гавловича – «Школы христианской», – сохранившегося в авторском варианте.

Анализ редактирования текста свидетельствует о том, что исправления в значительной степени носили системный характер. М. Решетка прежде всего корректирует правописание в соответствии с кодификацией А. Бернолака: вводит обозначение долготы гласных, заменяет диграф *ss* графемой *š*, диграф *ff* графемой *f*, уstra-

няет графемы у с точкой над ней¹, *ú* и *ě*, имена существительные последовательно пишет с заглавной буквы.

М. Решетка, однако, не ограничивается правописанием. Он заменяет большое количество богемизмов на разных языковых уровнях элементами словацкого языка. На фонетическом уровне это прежде всего устранение чешских перегласовок, включая т. наз. регрессивную перегласовку *aj > ej* в формах превосходной степени прилагательных и наречий²:

Slowo *držet* w dobrych wecach wždycki bud hotowy, Wipln, gak sy nečo *slibil* y *nepritelowi* (G I : 34) – Slowo *držať* w dobrích wecách wždicki bud' hotowí, Wiplň, gak si nečo *slúbil* i *Neprátelowi* (R)³; Chladi z wenku priložene, wipite zehriwa, *Običegně* k neužitku mladym *lidem* biwa (G I : 35) – Chladí z wenku priložené, wipité zehriwá, *Običagňe* k Neužitku mladím *Luďom* bíwá (R); Sedem hodin k odpočinku, *dewet* k leniwosti, Gak nekdy spiss osem hodin, dost ge až k sitosti (G I : 33) – Sedem Hodín k Odpočinku, *dewať* k Leňiwostí, Gak nekdi spíš osem Hodín, dost' ge až k Sitostí (R); Cnost prostredek *oblubuge*, w nem chce prebiwati, Kdo se prostredku ndrży, cnost y čest utrati (G III : 53) – Čnosť Prostredek *oblubuge*, w nem chce prebiwaťi, Kdo sa Prostredku ndrží, Čnosť, i Česť utraťí (R); *Negtežssi* ge Staw manželski, ten wi, kdo probuge, Ale *tesskost* gakukoliw laska ulewuge (G I : 30) – *Nagťažšší* ge Staw Manželskí, ten wí, kdo probuge, Ale *Ťažkosť* gakukolíwek Láska ulewuge (R).

В некоторых случаях замена чешской формы словацкой нарушает рифму, однако М. Решетка не принимает это во внимание: Gak ti Wrchnosti Stolice Sstesti *nepoprege*, Gak wiss prawa, nezustaness bez wsseckeg nadege (G XXXI) – Gak ti Wrchností Stolice Ščastí *nepoprage*, Gak wíš Práwa, nezostaneš bez wšeckég Náďege (R XXXI); Bud manželem trpezliwym, čo mužess *prohlidag*, A geg chiby, gako mudry, laskawě zakrywag (G III : 49) – Bud' Manželem trpezliwím, čo móžess *prehládag*, A gég Chibi, gako Múdrí, laskawe zakríwag (R III : 48).

М. Решетка также словакизирует некоторые окончания, содержащие перегласованные гласные. Отметим, однако, что в данном идиоме в середине XVIII в. подобные окончания были уже достаточно редки и фиксируются лишь в некоторых формах, причем они имеют и неперегласованные дублиеты. Исключение составляли

лишь формы личных местоимений, о которых речь пойдет ниже. Ср. примеры:

Jabel mel Lamecha *Otce*, a Adu mel Matku, Prwni kniha Moyžissowa ma o nem pamatku (G II : k⁴) – Gabel mal Lamecha *Otca*, a Adu mal Matku, Prwná Kňiha Mogžišowa má o nem Památku (R); Bezbožnému z bezbožnosti pokuta wirosta, Protož twa *wule* nech bude w msteni wždycki sprosta (G IV : 26) – Bezbožnému z Bezbožností Pokuta wirostá, Preto twá *Wóla* nech bude w Pomstweňí wždy sprostá (R).

В отредактированном тексте представлены и формы с перегласовкой. В некоторых случаях это обусловлено сохранением рифмы: *Dag* mu Srdce, Telo, Dussu, nebo on sam tak chce, Žig pobožně w geho wire stale až do *konce* (G III : 1) – *Dag* mu Srdce, Ťelo, Dušu, nebo on sám tak chce, Ži pobožňe w geho Wíre stále až do *Konce* (R), v iných s analógiou s iným tvarom, v ktorom A. Bernolák pripúšťa prehlasovanú samohlásku: Nebo dobra Priležitosť pracu umenssuge, A pracu ku *koncy* swemu snadno priwodzuge (G III : 47) – Nebo dobrá Priležitosť Prácu umensšuge, A Prácu ku *Konci*⁵ swému snadno priwodzuge (R III : 46⁶), a napokon s ustálenosťou tvaru, ktorý aj v kodifikácii má prehlasovanú podobu ako jedine možnú: We dne *chodic* za owcami seda na obussku, W nocy liha pri kossari z pasti na podussku (G II : k) – We Dňe *chodíc* za Owcami sedá na Obušku, W Noci líhá pri Košári, s Pastí má Podušku (R); Pritahug gich ku dobremu; da gim Pan Buch chleba, Neb každemu *žigicimu* dawa čo potreba (G III : 52) – Priťahug gích ku Dobrému, dá gim Pán Boh Chleba, Neb každému *Žigícimu* dáwá čo Potreba (R III : 51).

М. Решетка также устраняет лексемы и грамматические формы с чешскими изменениями *é > í* а *ó > ú*:

Gestli ti dal Pan Buch *ditki*, mass met starost na ne, Tak chce Krystus, a y Mogžiss, y Stari Pohane (G III : 51) – Gestlí ťi dal Pán Boh *Ďetki*, máš mať Starosť na ne, Tak chce Kristus, téš i Mogžiš, ai starí Pohane (R); Nepotupug w Srdcy twogem ani *neghorssih*, Meg obyčeg ssanowati od tebe *menssiho* (G I : 18) – Nepotupug w Srdci twogém aňi *naghoršého*, Mag Običag šanowati od teba *menšého* (R); Leniwy nebožgecowi / we wssem ge podobny, / Sam od seba k žadneg pracy neni ge *spusobny* (G XIII : 19) – Leňiwí Nebožicowi we wšem ge podobní, Sám od seba k žádnég Práci neňi ge *spósobní* (R); Mass s nim gednu prirodzenost, ne gednake sstesti, Ale te

1 По техническим причинам в приводимых примерах графему у с точкой мы не используем, заменяя ее графемой без точки.

2 В формах повелительного наклонения неперегласованные формы последовательно представлены в оригинальном тексте Г. Гавловича: Nedawag sa do maleho gak gastrab do slepki, Abys se sam neoklamal, a newssel do kletki (G IV : 22).

3 Буква G в скобках указывает, что данная строфа принадлежит Г. Гавловичу, буква R – что это строфа, отредактированная М. Решеткой, римская цифра указывает номер «ноты», которая объединяет несколько стихов с одной тематикой, а число, обозначенное арабскими цифрами, обозначает номер стиха в «ноте».

4 Буква k в скобках указывает на то, что данная строка принадлежит «концепту», открывающему каждую «ноту».

5 А. Бернолак допускает соответствующую перегласованную форму в парадигмах существительных среднего рода с функционально мягким согласным в конце основы: srdcu (ci), čo sa však netýka podstatných mien mužského rodu.

6 В некоторых случаях нумерация «нот» и стихов в исходном и отредактированном текстах не совпадают. В этих случаях мы указываем их в конце обеих строф.

muže pripadek k chudobe priwesti (G III : 46) – Máš s ním Gednú Priroděnosť, ne gednaké Ščasti, Ale ťa môže Pripadek k Chudobe priwěsti (R).

В некоторых случаях различие между формами обусловлено разной дистрибуцией долгих гласных в бернолаковщине и в чешском языке: Kdo k gineho zahanbeni tagnu wec odkrywa, malo *duwernych* priteluw k potesseni miwa (G IV : 49) – Kdo k iného Zahaňbeňi tagnú Wec odkriwá, Málo *dowerních* Prátelow k Potešeňi máwá (R); Podogene owce ženu z kossara na passe, Na poedne prihanagu do *kossaruw* zase (R II : k) – Podogené Owce ženú s Košára na Paše, Na Poedne prihanagú, do *Košárow* zase (R); Prez cely den Walach chodi, a malo spi w nocy, By mohel bit proti *wlkum* owcam na pomocy (G II : k) – Pres celí Děň Walach chodí, a málo spi w Noci, Bi mohel bit proti *Wlkom* Owcam na Pomoci (R).⁷ Viaceré tvary však v Gavlovičom jazyku mali dublety, ktoré boli kodifikované A. Bernolákom: Uč se Synu dobrým *mrawom* a y Pobožnosti, Budess míti potesseni nekdy w tweg Starosti (G III : 2) – Uč sa Synu dobrím *Mrawom*, téš i Pobožnosti, Buděš maťi Potešeňi nekdy w twég Starosti (R). Из этого вытекает, что одной из характерных черт бернолаковщины является снижение количества дублетных форм, одной из которых был генетических богемизм.

Приведем другие примеры устранения М. Решеткой фонетических богемизмов:

Lechkomislnost ti bude na welkeg zawade, Žes nestaly w twogich rečach, gak krawa na lade (G III : 27) – *Lachkomislnosť* ťi bude na welkeg Záwade, Žes nestáli w twogích Rečách, gak Krawa na Ladě (R); Mass s nim gednu prirodzenost, ne gednake *sstesti*, Ale te muže pripadek k chudobe priwesti (G III : 46) – Máš s ním Gednú Priroděnosť, ne gednaké Ščasti, Ale ťa môže Pripadek k Chudobe priwěsti (R); Do tud žbanek wodu nosy, dokud ucho cele, Gak ras ucho se utrhone, na *sstrep*y se zmele (G IV : 20) – Dotud Žbánek Wodu nosí, dokud Ucho celé, Gak Ráz Ucho sa utrhone, na *Črepi* sa zmele (R); *Wilel* swu krew, dal y žiwot, y Dussu položil, Abys ty w Smrti ležicy k lasce Boskeg ožil (G III : 1) – *Wilál* swú Krew, dal i žiwot, i Dušu položil, Abis ti w Smrti ležící k Lasce Bozskég ožil (R); *Lhárstwo* od djabla splodzene zlu običeg miwa, Neb, když Prawdu žada skazit ffašsem se odiwa (G V : 4) – *Luhárstwo* od Ďábla pošlé zlú Običag máwá, Neb, kďíž Prawdu žádá skazit ffašsem sa odiwá (R) atď.

В определенной степени М. Решетка словакизирует и морфологию языка этого произведения:

Čo se w Prawach ustanowi, dobre gest wedeti, Abys potem w twogich *čynech* wedel se držeti (G I : 31) – Čo sa w Práwách ustanowí, dobre gest wedeťi, Abis potom w twogích *Činoch* wedel sa držeťi (R); Wssak nic meneg skrze Rozum ma hnew ukrotiti, Gestli nechce w *skutcyh* swogich

welmi pobluditi (G I : 52) – Wšakňištméneg skrze Rozum má Hnew ukrotiťi, Gestli nechce w *Skutkoch* swogích welmi pobludiťi (R); Hnet rano *musegu* wstawat k dobytku Walasy, By za wčasu podogili, čo magu w Salassy (G II : k) – Hněď Ráno *musá* wstáwaf ku Dobitku Walasi, Bi za w Času podogilí, čo magú w Salaši (R); Dag mu Srdce, Telo, Dussu, nebo on sam tak chce, *Žig* pobožně w geho wire stale až do konce (G III : 1) – Dag mu Srdce, Ťelo, Dušu, nebo on sám tak chce, *Ži* pobožně w geho Wíre stále až do Konce (R); Ale musiss k tweg manželce wždycki lasku *miti*, W gakemkoliw protiwenstwi trpezliwym biti (G I : 30) – Ale musíš k twég Manželce wždycki Lásku *maťi*, W gakémkolwew Protiwenstwi trpezliwím biti (R); Nekteri se disputugu o tom čo neweda, Z geža *chtegu* proukazat welkeho medweda (G VI : 2) – Nekteri sa dohadugú o tom čo neweda, Z Geža *chcegú* preukázat welkého Medweda (R VI : 3) atď.

Особый интерес представляют формы личных и возвратного местоимений, подвергшихся наибольшему изменению. Прежде всего это замена корневого гласного в формах дательного и предложного падежей личного местоимения 2 лица единственного числа, а также возвратного местоимений: *Když sy mladý, radim tobe, zdržug se od wina, Neb y Starým z neho prissla ku zlemu přičyna* (G I : 35) – *Kďíž si mladí, radím tebe, zdržug sa od Wína, Neb i Starím s neho prišla ku zlému Příčina* (R); *Dobra wec gest od mladosti w Prawach zbehlym byti, Kdo wi nečo, muže sobe, y ginym služiti* (G I : 31) – *Dobrá Wec gest od Mladosti w Práwách zbehlí m biťi, Kdo wí nečo, môže sebe, i iním slúžiťi* (R). Примечательно исправление неверного употребление рассматриваемой формы местоимения после предлога *od*, требующего родительного падежа: *Gestli dobreho prikkladu neuzri od tobe, Tehdy potem bude w maleg te miti ssanobe* (G I : 18) – *Gestli dobrého Příkladu neuzre od tebe, Tehdi potom bude w malég ťa maťi Šanobe* (R); *Nepotupug maličkeho, diwag se z daleka, Snat od tebe bude lepssi, když bude met leta* (G XVIII) – *Nepotupug maličkého, d’iwag sa zdaleka, Snad’ od teba bude lepší, kďíž bude mať Leta* (R XVIII). Приведем и иной пример замены генитически чешской формы словацкой: *Od Pychi ma swug začatek každe potupeni, Nechteg z Pychi met u sebe žadneho znameni* (G I : 18) – *Od Píchi má swog Začatek každé Potupeňi, Nechceg s Píchi mať u seba žádného Znameňi* (M). Был обнаружен также пример отсутствия замены генитически чешской формы ради сохранения рифмы: *Kristus zanechal Angeluw, Trun Boski, y Nebe, Wzal na seba člowečenstwi gedine pro tebe* (G III : 1) – *Kristus zanechal Anĝelow, Trun Bozkí, i Nebe, Wzal na seba Člowečenstwi gedíne pre tebe* (R).

В соответствии с кодификацией А. Бернолака М. Решетка исправляет также краткие формы личных местоимений и формы притяжательных местоимений:

⁷ Вопреки необозначению долгих гласных в тексте Г. Гавловича гласный *u* обозначает *ú*, поскольку восходит к *ó*. В противном случае он бы не изменился.

Abys wstupil do manželstwa, žaden te nesili, A gak wstupiss, proto mužess, Bohu byti mily (G I : 30) – Abis wstúpil do Manželstwa, žaden ťa nesilí, A gak wstúpiš, preto môžeš, Bohu biti milí (R); Ach *mug* Synu nežadag si bohatnut z cudzeho, Než usilug se žiwiti z pracowani tweho (G I : 29) – Ah *mog* Sinu! nežadag si bohatnuť s cudzého, Než usilug sa žiwiti s Pracováňi twého (R).

Изредка М. Решетка заменяет лексемы и корректирует словообразовательные форманты: *Když skrz wunu, a neb barwu te ponuka k chuti, Merkug abys ged newipil k zlemu upadnuti* (G I : 35) – *Kďiž skrz Wóňu, aneb Farbu ťa ponúká k Chuťi, Merkug, abis Ged newipil k zlému Upadnuti* (R); *Zridka slibug, a čo slibiss, wiplnit usilug, W gakemkoliw slibowani twu Statečnost milug* (G I : 34) – *Zridka slubug, a čo slubiš, wiplniť usilug, W gakémkolíwek Slubowáňi twú Statečnost milug* (R).

Существенным отличием языка Г. Гавловича от кодификации А. Бернолака является то, что в кодификации допускаются некоторые формы, которые концентрируются главным образом в среднесловацком диалекте. М. Решетка, однако, употребленные западно-словацкие формы не исправляет на кодифицированные среднесловацкие. Иными словами, язык Г. Гавловича имеет в большей степени западнословацкий характер, нежели кодификация А. Бернолака. К таким формам относятся, например, формы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с окончанием *-u*, имеющие в кодификации дублиеты с окончанием *-ow*: *Wzlasste gestli sy se k čemu z prisahu zawazal, Bis Statečnost, y Swedomi twoge nezamazal* (G I : 34) – *Zwłášte gestli si sa k čemu s Prísahú zawázal, Bis Statečnost, i Swedomi twogé nezamazal* (R); *W lete walach gako konik po pažitach skače, W zime pak pri praznem kotle za žinticu plače* (G II : k) – *W Lete Walach gako Koňik po Pažitách skáče, W Zime však pri prázném Kotle za Žinčicu⁸ plače* (R). Аналогично не исправляются также формы именительного и винительного падежей единственного числа существительных среднего рода с окончанием *-í*, которые в кодификации имеют параллели с окончанием *-a*: *stawaňi (ňa⁹)*: *Od Pychi ma swug začatek každe potupeni, Nechteg z Pychi met u sebe žadneho znameni* (G I : 18) – *Od Píchi má swog Začátek každé Potupeňi, Nechceg s Píchi mať u seba žádného Znameňi* (R); *Z penizuw nic newiroste, z ditek budu lide, A skrze swe pracowani nedagu se bide* (G III : 52) – *S Penázi nič newiroste, ž Dětek budú Lude, A skrze swé Pracováňi nedagú sa Bídě* (R III : 51).

Предпочтения А. Бернолака не имеют решающего значения для М. Решетки, о чем свидетельствует

сохранение им форм предложного падежа прилагательных с окончанием *-ém*, хотя в кодификации основными являются формы с окончанием *-om*: *Když ge guss w dospelem weku, skoreg zemrit žada, A tak na rame-na Smrti swoge bydy wsklada* (G XVI : 16) – *Kďiž ge uš v dospelém Weku skóreg zemreť žadá, A tak na Ramena Smrti swogé Bídi wskladá* (R); *Ale kdo w zbytečnem spani oblíbeni miwa, Zemdli, gako kdo zbytečne lekarstwo užiwa* (G I : 33) – *Ale kdo w zbitečném Spáňi Oblubeňi máwá, Zemdlí, gako kdo zbitečne Lekárstwo užíwá* (R).

Аналогично М. Решетка действует и в отношении форм настоящего времени глагола *weděť* «знать». А. Бернолак считает основной форму с дифтонгом *wgem*, тогда как форму с долгим монофтонгом *wím* заключает в скобки [5, 221]. М. Решетка, однако, не заменяет использованную форму на основную: *Negtežšši ge Staw manželski, ten wi, kdo probuge, Ale tesskost gakukoliw laska ulewuge* (G : 30) – *Nagťášši ge Staw Manželskí, ten wí, kdo probuge, Ale Ťažkosť gakukolíwek Láska ulewuge* (R).

Еще более примечательно отсутствие корректировки некодифицированных форм. Эти формы однозначно имеют западнословацкий характер, причем представлены они только в западных говорах этого диалекта. К их числу относятся, например, формы творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода. А. Бернолак кодифицирует эти формы с окончанием *-om*, тогда как для словацкой письменной традиции были более характерны формы с окончанием *-em*, представленные лишь в загорском говоре, самом западном говоре словацкого языка. М. Решетка в данном случае поступает непоследовательно, так как в одних случаях он исправляет форму в соответствии с кодификацией, а в других нет. Ср. примеры: *Wim že nechcess mily Synu zustati žebrakem, Tehdy nebud krem potreby daremny m ležakem* (G I : 33) – *Wím že nechceš milí Sinu zostať Žebrákom, Tehdi nebud' krem Potrebi darebním Ležákom* (R); *Bit bez rečy y z negwetssim merawal poharem, Gak čo slibiss, a nespłniss, gen zustaness lharem* (G I : 34) – *Bár bis' Reči i z nagwatším meráwal Pohárom, Gak čo slubiš, a nespłniš, zostaneš Luhárom* (R); *Nechteg smelè s takowymy Towaristwo miti, Kterim mužess swogim časem Služebnikem biti* (G V : 31) – *Nechceg smele ti s takími Towarisstwo maťi, Kterím môžeš swogím Časem Služebňikom biťi* (R V : 30); *W lete smrdi walachowi demikatem kapsa, W zime hladem zamorený nestogi y za psa* (G II : k) – *W Lete smrdí Walachowi Demikatom Kapsa, W Zime Hladem zamorení nestogí i za Psa* (R); *Kona zdržugess na uzde, aby ti nezhodil, Zdržug y hnew twym rozumem, aby ti neskodil* (G LII) – *Kona zdržugeš na Uzde, abi ťa nezhodil, Zdržug i Hnew twím Rozumem, abi ťi*

8 Отклонением от кодификации является употребление указанных форм то с долгим, то с кратким окончанием.

9 Анализируемая форма является генетически реднесловацкой несмотря на то, что в окончании представлен не ожидаемы дифтонг *ia*, а краткое *a*, поскольку по происхождению данная форма является формой родительного падежа. Это явления представлено только в среднесловацком диалекте.

neškodil (R); Studenu žičicu (!) rano, y w poledne pigu, Ale na večer horucu, z tym napogem žigu (G II : k) – Studenu žinčicu Ráno, i w Poledne pigú, Ale na Večer horúcu; s tím Náropem žigú (R). Причастия же на -l со вставным -e- он не исправляет вовсе, хотя в А. Бернолак кодифицирует лишь формы со вставным -o-: Potrebna wec gest každemu w Stryzliwosti žiti, Gen tolko pi, abys mohel žižen zahasiti (G III : 26) – Potřebná Wec gest každému w Strizliwosti žiti, Len tolko pi, abis mohel žižen zahasiti (R); Marny ge ten, kdery (!) často priwikel hodowat, Na stul gehu y poddani nestača pracowat (I : 32) – Mární ge ten, kteří často priwikel hodowat, Na Stol gehu i Poddani nestača pracowat (R).

Слоговое *l*, возникшее на месте сочетания редуцированного с согласным *l* в позиции после язычного согласного, в добернолаковском языке отражалось крайне непоследовательно, и это состояние отразила кодификация А. Бернолака [6, 128]. В языке Г. Гавловича преобладают формы без слогового, а М. Решетка несущественно меняет это положение: Člowek ge schopny ku hnewu hnet od prirodzeni, Nebo ge ze žlču na Swet z Matki narodzeny (G I : 52) – Člowek ge schopní ku Hnewu hñed' od Prirodeňi, Nebo ge ze Žlčú z Matki narodeňi (R); Žluč ge žluta, dobrè wime, nema dobreg chuti, Když se pohne z místa sweho, silně k hnewu nuti (G I : 52) – Žluč ge žltá, dobre wíme, nemá dobrég Chuti, Kdž sa pohne z Místa swého, silně k Hnewu nútí (R); Dluha zima hladowitým, tessko čekat gary, Lepssi Patek na salassi, když owce w kossary (G II : k) – Dluhá Zima hladowitím, taško čekať Gari, Lepší Pátek na Salaši, kdž Owce w Košári (R); Wssak když na hluboke more bez wesla wichadza, Tehdy k swemu zatopeni gistotně prichadza (G IV : 18) – Wšak kdž na hluboké More bez Wesla wichádzá, Tehdy k swému zatopení istotně prichádzá (R).

Усилению западнословацкого характера текста способствует устранение среднесловацких дифтонгов. Во всем тексте Г. Гавловича мы обнаружили около 10 примеров с дифтонгами, что частично соответствует кодификации, поскольку ее автор допускал использование дифтонга *ie* в некоторых лексемах (*dřita / děta / dgeťa, dřwča / děwča / dgewča*) и грамматических формах (*rečt – rečem / rečgem, hrizt – hrizem / hrizgem, klast – kladem / kladgem, mést – meť / meťgem, wedeť – wgem / wím, powedeť – powgem / powím*). Тем не менее, М. Решетка сохраняет дифтонги лишь в одной строфе: Spiwala sy gedna baba: mam penazy dgessku, su do zeme zakopane, newim w kterem brgežku (G XVI : 51) – Spiwala si gedná Baba: mám Peňázi Dgešku, Sú do Zeme zakopané, newím w kterém Brgešku (R). Во всех других случаях он заменяет дифтонги монофтонгами. И если устранение дифторга *iu* закономерно, так как в текстах А. Бернолака он не фиксируется [6, 103], да и в самом среднесловацком диалекте он регистрируется не во всех говорах, то замена дифтонга *ie* может свидетельствовать о формировании нормы литературного языка, отличной от кодификации.

Ср. примеры: A gak pangu penezitu, musiss geg služiti, Gak chudobnu budess w dome dwe chudoby miti (G XVI : 21) – A gak Paňú peňážitú, musíš gég slúžití, Gak chudobnú, budeš w Dome dwe Chudobi maťi (R); Kde chce wrtat z nebozgecem, musy silu miti, Nechce nebozic bez sily diru učiniti (G XIII : 19) – Kdo chce wrtat z Nebožicom, musí Silu maťi, Nechce Nebožic bez Sili Ďiru učiniťi (R); Leniwy nebožgecowi we wssem ge podobny, Sam od seba k žadneg pracy neni ge spusobny (G XIII : 19) – Leňiwí Nebožicowí we wšem ge podobní, Sám od seba k žádnég Práci neňi ge spósobní (R); Čož za osoch čest wzbudzowat z bohactwi z umeni, Když nic w hlawe gruntowneho ani w mgessku neni (G VII : 44) – Čo za Osoch Čest wzbudzowat z Bohactwi, z Umeňi, Kdž nič w Hlawe ģruntowného aňi w Mešku neňi (R VII : 42); Welmi smgessny ge obyčeg we swete u ludi, Když bezbožny bezbožneho sstrafat se newstydi (G II : 5) – Welmi smíšní ge Običag we Swete u Ludí, Kdž Bezbožní Bezbožného karhať sa nestidí (R).

В данном случае мы также зафиксировали пример, когда исправление первоначального гласного ведет к нарушению рифмы: Gak gazičnu sebe wezmess, nagedess se dost gedu, A gak wždycki mlčanliwu tess budess met bgedu (G XVI : 21) – Gak gazičnú sebe wezmeš, nagíš sa dost Gedu, A gak wždicki mlčanliwú, těš budeš mať Bídu (R).

Заключение

Анализ редакции текста «Пастушьей школы» Г. Гавловича соотносительно кодификации А. Бернолака показывает, что оба варианта текста представляют собой две фазы в развитии одного и того же идиома, который еще в Средневековье возник на базе старочешского языка и развивался путем вытеснения генетически чешских элементов общесловацкими и западнословацкими. При этом в данный идиом проникло некоторое количество элементов нижнетренчинского говора, на территории которого Г. Гавлович создавал свое произведение. Эти элементы, однако, характеризуют прежде всего среднесловацкий диалект. Проникновение диалектных элементов характеризовало региональные варианты этого идиома. Характер редактирования текста свидетельствует о том, что бернолаковцы стремились устранить из литературного языка богемизмы, хотя далеко не все, поскольку целый ряд элементов они не воспринимали как богемизмы, а также некоторые диалектные особенности, проникшие в тексты. Кроме того, М. Решетка не стремится во всем следовать кодификации. Данное явление оканчивается характерным для всей бернолаковской письменности, поскольку кодификация стала лишь основой формирования нормы. При этом в норму литературного языка не вошли некоторые радикальные элементы кодификации, уступив место соответствующим элементам словацкой письменности [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н.И. Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки). // Вопросы языкознания, 1997. - № 2 - с. 16–23.
2. Lifanov K. Rekatolizácia ako najdôležitejší medzník v dejinách spisovnej slovenčiny. // Jazykovedný časopis, 1999. - č. 1 - с. 17–26.
3. Rešetka M. (editor) Walaská Škola Mrawow Stodola. DěI I. W Trnawe: Nákladem a Literámi Jelínek Jána, 1830, 370 s. DěI II. W Trnawe: Nákladem a Literámi Jelínek Jána, 1831. - 364 s.
4. Sabo G. J. (editor) Hugolín Gavlovič's Valaská Škola. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1988. - 730 s.
5. Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. - 556 s.
6. Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1968. - 445 s.
7. Лифанов К.В. Метаморфозы кодификации А. Бернолака. // Zeitschrift für Slavische Philologie, 2012-13. - Band 69 - Heft 2 - S. 247-280.

© Лифанов Константин Васильевич (lifanov@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

